

Чжао Умянь немного успокоился и спросил Чэн Ваншу:

— Откуда ты знаешь, что меча Чжаньмин нет в секте Суйсин?

Чэн Ваншу подумал: "Ха! Конечно же, потому, что я самый преданный фанат, который перечитал весь "Божественный путь культивации" целых восемьсот раз!"

— Потому что я помню, что этот отрезок времени как раз совпадает со временем исчезновения Бянь Яньяо, старшего личного ученика главы секты Суйсин. В книге об этом говорилось так...
— начал свой рассказ Чэн Ваншу.

В то время в юго-западных землях обнаружили жуткую яму со ста мертвыми телами. Появились опасения, что какой-то злодей, выбравший темный путь культивации, без разбора убивает невинных людей. Бянь Яньяо поручили отправиться на юго-запад и провести расследование, но через три месяца он вдруг пропал без вести. Глава секты Суйсин лично повел учеников на поиски, но в результате они нашли лишь мертвое тело Бянь Яньяо. Сокрушенный горем, глава секты в ярости уничтожил злого духа, вредившего людям, и спас местных жителей, а принадлежавший злему духу меч Чжаньмин забрал с собой в секту Суйсин. Позже глава секты подарил меч одному из учеников, но в результате тот погиб, потому что меч Чжаньмин пожрал его кости. Глава секты Суйсин посчитал меч Чжаньмин артефактом зла, запечатал его в башне Заточения душ и запретил кому-либо приближаться к нему.

Услышав это, Чжао Умянь холодно фыркнул:

— Лишь тот, у кого шаткие основы и недостаточный уровень культивации, может стать жертвой меча Чжаньмин. Более того, перед этим обязательно проявляются некие признаки. Тот человек погиб лишь потому, что был чрезмерно самоуверен и жаден. Как можно винить в этом меч Чжаньмин?

Чэн Ваншу на словах поддакивал, а про себя невольно подумал: "Мянь-Мянь так яро защищает своих, покрывая их проступки. Он такой милый!!!"

Чжао Умянь: "..."

И правда, если жить долго, можно столкнуться с любыми странностями. Надо же, кто-то использует слово "милый", чтобы описать характер Демоноликого владыки. Если бы это услышали праведные культиваторы, они непременно направили бы на Чэн Ваншу меч из персикового дерева и грозно крикнули: "Тебя ввела в заблуждение внешняя форма, ты не видишь истинную суть!"¹

В ответ на это Чэн Ваншу непременно сказал бы: "Ну еще бы, видя такого красавчика, как Мянь-Мяня, как можно не поддаться заблуждению из-за внешней формы!"

Чжао Умянь спросил:

— Что это за злой дух, о котором ты только что говорил?

— Не знаю, в книге об этом не было прямо написано.

Чжао Умянь на мгновение задумался, а потом принял решение.

— Завтра мы отправимся на юго-запад.

.....

На следующий день они оба начали свое путешествие на юго-запад. Господин Цинь снабдил их достаточным количеством денег на дорогу. Вся семья проводила их до самой окраины города, где они низко поклонились Чэн Ваншу и Чжао Умяню, снова и снова выражая свою признательность за спасение жизни и уверяя, что они до самой смерти не забудут их доброту.

Чэн Ваншу быстро помог им подняться, тоже без конца осыпая их благодарностями за теплую заботу в эти дни и за щедрые подарки.

Чжао Умянь смотрел, как Чэн Ваншу и семья Цинь обмениваются любезностями. За этот короткий промежуток времени он услышал слово "спасибо" больше раз, чем за всю свою прошлую жизнь.

Господин Цинь почтительно сложил перед собой руки и сказал:

— Благодетели, расставаясь сейчас, мы не знаем, доведется ли нам свидеться вновь. Желаю вам гладкого пути и удачи во всех делах. Если судьба сведет нас снова, семья Цинь непременно отплатит вам за доброту и никогда не забудет о вашей милости.

— До встречи!

Чэн Ваншу помахал рукой на прощание и ушел вместе с Чжао Умянем.

После того, как они прошли около ли, Чжао Умянь убедился, что за ними никто не следит, и сказал Чэн Ваншу:

— Достань и покажи мне деньги, которые дала семья Цинь.

— А?

Несмотря на свое недоумение, Чэн Ваншу послушно сделал, как ему сказали.

Чжао Умянь взял серебро и принялся внимательно осматривать каждый слиток.

— Мян-Мян, что ты пытаешься увидеть? — удивленно спросил Чэн Ваншу.

Чжао Умянь нахмурился.

— Я опасаюсь, что на них может быть яд или гу.

Чэн Ваншу не знал, смеяться ему или плакать.

— Да как такое возможно? Семья Цинь так хорошо к нам относилась в течение этих нескольких дней. К тому же у них нет причин вредить нам.

Чжао Умянь с ледяным холодом в голосе ответил:

— Человеческие сердца непредсказуемы. Многие вещи происходят без всякой причины.

Чэн Ваншу открыл было рот, собираясь возразить, но потом вспомнил все, что пришлось пережить Чжао Умяню в прошлой жизни, и проглотил свои слова.

Тщательно осмотрев серебро, Чжао Умянь удивленно пробормотал:

— Надо же, действительно все в порядке.

Чэн Ваншу тихо произнес:

— Все-таки в этом мире есть и хорошие люди.

Чжао Умянь бросил взгляд на Чэн Ваншу, но ничего на это не ответил. Он вернул ему серебро, посоветовав спрятать его понадежнее и не выставлять напоказ.

Они снова двинулись в путь, направляясь прямо на юго-запад.

.....

Юго-западные земли насылают кошмары, пробуждающие воспоминания о прошлых жизнях. Печально, что ненависть ослепляет, заставляя шаг за шагом ступать по опасной тропе. Непоколебимое сердце упрямо бьется о стену, отказываясь повернуть назад и рассеять туман заблуждений. Добро и зло в конце концов получают свое воздаяние, это лишь вопрос времени.

Хотя в книге не говорилось, что именно представлял собой злой дух, в ней упоминалось примерное расположение той жуткой ямы со ста трупами.

Чэн Ваншу и Чжао Умянь добрались до юго-западных земель. В этих местах были высокие горы, густые леса и труднопроходимые дороги, а города и деревни разделяли огромные расстояния.

Расспросив людей по дороге и потратив немало денег, они наконец-то узнали точное местонахождение ямы с мертвыми телами предводителя каравана, который успел многое повидать на своем веку.

Караванщику уже перевалило за пятьдесят. Его лицо покрывали глубокие морщины, оставленные ветром и песком, но он был полон сил, и взгляд его оставался полным энергии. Сидя со скрещенными ногами за деревянным столом, он велел своим подчиненным налить Чэн Ваншу и Чжао Умяню крепкого чая. Затем он с достоинством вытащил из-за пояса трубку, раскурил ее от щепки и, выдохнув дым, пристально посмотрел на гостей сквозь клубы дыма, изучая их взглядом.

— Судя по вашему виду, вы, должно быть, культиваторы?

Получив утвердительный ответ, караванщик продолжил:

— Честно говоря, два месяца назад один культиватор уже расспрашивал меня о местонахождении этой ямы.

Чэн Ваншу и Чжао Умянь переглянулись, догадавшись, что тем человеком, скорее всего, был Бянь Яньяо, старший ученик главы секты Суйсин.

Караванщик постучал трубкой по деревянному столу и глухим голосом произнес:

— Тот молодой господин сказал мне, что вернется сюда через месяц. Однако с тех пор прошло уже два месяца, а от него до сих пор нет никаких вестей. Неизвестно, что с ним стало, жив он или мертв. Я говорю вам это лишь затем, чтобы предупредить: о некоторых местах и вещах лучше не знать слишком многого.

Лицо Чжао Умяня оставалось бесстрастным, а в голосе прозвучало пренебрежение:

— Говори как есть.

Караванщик посмотрел на Чжао Умянь. Этому человеку на вид нельзя было дать больше двадцати лет, но в его глазах таилась такая глубокая, леденящая кровь жажда крови, что у него по спине побежали мурашки. Поняв, что перед ним далеко не обычный культиватор, караванщик выпрямился и подробно рассказал все, что знал.

Поскольку территория юго-западных земель представляла собой высокие горы и густые леса, путешествовать было сложно. В результате большинство деревень жили обособленно, самостоятельно всем обеспечивая себя, и редко встречались с чужаками.

Деревня Мэнъянь была всего лишь одним из таких неприметных поселений.

Караванщик сказал:

— Год назад из-за проливного дождя весь наш караван был вынужден заночевать в той деревне. В то время местные жители рассказали мне, что некоторые молодые люди в деревне недавно подхватили странную болезнь.

— Какую странную болезнь? — спросил Чэн Ваншу.

— Сонливость, — ответил караванщик. — Они могли спать по несколько дней подряд, а когда просыпались, то становились заторможенными и безжизненными, как марионетки на ниточках. Жители деревни посчитали меня знающим и опытным человеком, вот и спросили, не знаю ли я, что это за недуг и как его лечить.

Караванщик продолжил:

— Я не знал, что это за хворь, и мог лишь пообещать разузнать о ней. Спустя три месяца я снова проезжал через ту деревню и обнаружил, что заразившихся этой странной болезнью стало еще больше. Однако, несмотря на то что после долгого сна эти люди становились вялыми, они все еще могли есть, пить и работать, поэтому я подумал, что ничего страшного в этом нет. Так продолжалось до тех пор, пока несколько месяцев назад я вновь не оказался в деревне Мэнъянь...

После этих слов караванщик надолго замолчал. Он несколько раз глубоко затягивался трубкой, выпуская клубы дыма, пока они не скрыли его лицо. Только после этого он продолжил:

— Я до сих пор помню, что это был дождливый, пасмурный день. Под темным и хмурым небом почти ничего нельзя было разглядеть. Я подошел ко входу в деревню и увидел стоявшего там ребенка с "рожками" на голове. Ему было лет пять или шесть, а это самый непоседливый возраст. Но он стоял прямо, как палка, совершенно неподвижно. Это выглядело очень странно. Тогда я окликнул его: "Малыш, что ты тут делаешь? Где твои родители?" Ребенок услышал меня, внезапно пришел в движение, развернулся и бросился бежать в деревню. Почувствовав неладное, я последовал за ним. Но стоило мне войти в деревню, как ребенок мгновенно исчез, а сама деревня оказалась пустой, вокруг не было ни души. Набравшись смелости, я пошел дальше, и тогда я увидел...

На этих словах караванщик внезапно вздрогнул, и в его глазах промелькнул страх. Он опустил голову и принялся непрерывно курить, не желая продолжать свой рассказ.

Чжао Умянь настойчиво спросил:

— Что ты увидел?

Караванщик медленно вздохнул и махнул рукой.

— Я скажу вам, где находится деревня Мэнъянь. Вы можете отправиться туда и посмотреть сами.

1. Буддийское выражение, под которым подразумевается, что человек заиклился на внешних проявлениях (красоте, статусе, богатстве) и упускает из виду суть.

<http://bllate.org/book/16983/1695824>